

Школа общины с Хулианом Карроном
Милан, 31 октября 2018 г.

Текст: Х. Каррон, Л. Джуссани. *Живет то, что живет в настоящем!*
День начала года «Общения и освобождения»

Aconteseu
Monologo di Giuda

Слава...

Начинаем нашу работу с тем «упорством в пути», к которому нас призвал в лекции Дня начала года отец Джуссани. Прежде всего, сказали мы, нужно попытаться понять суть и важность того, над чем мы работаем. Как нам всем известно, обстоятельства, побудившие отца Джуссани на его выступление, – это события шестьдесят восьмого года, которые для него стали настоящим вызовом и позволили открыть нечто большее в сравнении с тем, что он признавал истинным. В результате он отошел от собственной позиции: «Пятнадцать лет назад, когда мы начали путь со „Студенческой молодежи“... причиной... отправной точкой... на которую мы пытались опираться, чтобы двигаться к единению... обычно был тот факт, что мы родились в рамках определенной традиции, и неправильно было бы и дальше придерживаться этой традиции или ее оставить, даже не углубившись в нее. <...> ...именно эта причина привела в движение всех людей, пошедших с нами. <...> Если бы я сейчас должен был предложить ребятам вступить в „Студенческую молодежь“, не думаю, что воспользовался бы такой причиной». Короче говоря: «В первые пятнадцать лет мы действовали определенным образом, но теперь я бы так больше не действовал».

Перед вызовом шестьдесят восьмого года отец Джуссани не упрямится и не говорит: «Ну я же всегда так делал, поэтому и дальше буду поступать так же!» Он меняет позицию и благодаря этому на более глубоком уровне открывает для себя природу христианства, что позволяет ему уловить разницу между «христианскостью» и христианством. Недавно я читал апостольское обращение *Amoris Laetitia*, и меня поразили слова папы: «Здорово уделять внимание конкретной реальности... так как „отзвук требований и призывов Святого Духа можно расслышать также в событиях истории“, и поэтому „Церковь может глубже понять неисчерпаемую тайну...“» (Франциск. *Amoris Laetitia*, 31). Вот почему только тот, кто принимает вызов, может глубже понять неисчерпаемую тайну произошедшего с ним. И поэтому первым делом следует спросить себя, как на вызов отвечает Джуссани.

У меня есть вопрос.

Смелее!

Отец Джуссани в начале лекции Дня начала года говорит одну вещь, значение и важность которой, думаю, я так до конца и не ухватила. Он утверждает: «Надежда возложена уже не то,

что вам будет дано, она в вас. <...> ...эта надежда во мне и в тебе, в тебе и во мне, эта надежда на нашу личность или на то, что находится внутри нашей личности. Это надежда не на что-то внешнее, это надежда не на голос, не на обстоятельства, не на ситуацию, не на случай: надежда не в этом, надежда в том, что находится внутри нас». Услышав эти слова на Дне начала года, я подумала: сейчас он объяснит, что такого есть в нас, но, как мне кажется, он этого не сделал, или же я этого не услышала. Мне всегда говорили, что спасение приходит извне меня, что и само возведение не я сама себе даю, оно нисколько не зависит от меня и является безвозмездным даром. Так что же это за внутренний ресурс, позволяющий встречать лицом к лицу замешательство нашей эпохи? Я пыталась найти объяснение самостоятельно, стараясь понять текст, и какие-то заключения я для себя сделала, но я понимаю, что таким образом рискую закрыть вопрос. Мне бы хотелось, чтобы ты вернулся к этому отрывку и объяснил, что в действительности имел в виду Джуссани. Спасибо.

Это центральный вопрос для понимания, как ты говоришь, важности выступления Джуссани. Я в свою очередь спросил бы у тебя: какой внутренний ресурс, по-твоему, был у Джуссани и помогал ему смотреть на события шестьдесят восьмого года? Только когда человек оказывается перед лицом жизненных вызовов (мы тоже на протяжении всего месяца сталкивались с вызовами: на работе, в семье, в отношениях, в обстоятельствах), он может увидеть, как реагировал, какие ресурсы использовал. Сравним себя с Джуссани, чтобы понять важность того, о чем он говорит. Ты совершенно права: ресурс в нас самих. Пусть каждый подумает: «С какой позиции подошел бы я к протестам шестьдесят восьмого года? Да даже и необязательно представлять себе это. Достаточно спросить себя, как мы подходили к привычным или из ряда вон выходящим событиям и вызовам, которые нам довелось переживать в последнее время? В чем были наши ресурсы?» Джуссани говорит: «Все дело в событии... в чем-то, что лежит вне нас [тут ты совершенно права] и предлагает себя самым нашим глубинам [это было что-то, с чем он уже когда-то встретился в жизни, но теперь оно вошло в самые его глубины], однако оно вне нас... как море в шторм. Событие вне нас... [которое] пронизывает нас до самого основания своим предложением; и это предложение, пронизывающее нас до самого основания, вовлекает и ту бедную личность, что несет его, вопреки ей самой». То, с чем столкнулся отец Джуссани, было вне его, но в один прекрасный момент стало принадлежать ему. В противном случае он не смог бы сказать всем людям, слушавшим его тогда: «Надежда в тебе и во мне, во мне и в тебе». Итак, что-то произошло вне нас, и важность произошедшего видна по тому, насколько глубоко оно проникло в нас.

Однако, чтобы мы могли понять, что же с нами произошло, нужна, по словам Джуссани, (и я не знаю, сколько из нас это понимают перед лицом жизненных вызовов) нищета духа. «Коренной признак нищеты духа – слушание, позиция повторного слушания и слушания; повторного слушания того, что уже было нам дано, и дано обильно». Нам многое было дано – хоть отбавляй; однако часто, поскольку мы не извлекли никаких уроков из «того, что уже было нам дано, и дано обильно», оно не видится нам как ресурс. И тогда? Ты спрашиваешь: как мы подходим к стоящим перед нами вызовам, к «замешательству эпохи», если использовать твоё весьма точное выражение? Как вы к ним подходите? Осознал ли кто-то, что ему было обильно дано? Из выступления отца Джуссани мы видим, насколько он сознает, что было дано ему,

и знает, что то же было дано и нам. Поэтому он говорит: «Надежда в тебе и во мне», – и воспринимает данное ему как ресурс, позволяющий встречать вызовы лицом к лицу. Все потому, что «Бог, будучи Творцом... не может уготовать для нас сейчас ничего, что не было бы связано с уже данным нам... каждое мгновение обладает новизной, впечатляющей новизной, напорающей на наше существование и подталкивающей его на путь или побуждающей на открытия». И поэтому любое происходящее с нами событие служит еще большему открытию данного нам начала, избрания и предпочтения, которые в один прекрасный момент мы заметили по отношению к нам, встретившись с чем-то вне нас.

Когда я думал об этих вещах, мне неизбежно вспоминалось то, о чем мы говорили на упражнениях Братства, цитируя фон Бальтазара. Он говорил, что начало есть «источник, от которого никогда нельзя отдаляться. Даже после, сразу же после, когда уже проявятся последствия, ни на миг нельзя забывать о предпосылке. Наша свобода неотделима от того факта, что мы освобождены», а потому она неотделима и от источника, который есть Его действие, Его предпочтение по отношению к нам.

Итак, что же было для отца Джуссани ресурсом в подходе к событиям шестьдесят восьмого года? Предпочтение, начало, от которого он никогда не отдалялся. И только нищета духа позволяет нам осознать, каким ресурсом мы обладаем. Если в нас нет нищеты духа, мы не осознаем, каким был подход отца Джуссани к вызову шестьдесят восьмого года, и каждый начинает заниматься собственным анализом, сводя все к уже известным вещам. «Что происходит, когда недостает нищеты духа, прямо пропорционально тому, насколько ее недостает? Человек уже знает». Он не отрицает вещи, он их уже знает и потому думает: я уже знаю, что такое христианство, какое отношение оно имеет к шестьдесят восьмому году, или к замешательству сегодняшнего дня, или к вызовам на работе, или к проблемам в отношениях дома. Вот почему Джуссани продолжает: «Человек думает, будто уже знает, и сводит все к тому, что уже знает, стремится свести все к тому, что уже знает. [На самом же деле] лишь нищий духом может обогатиться, богатство доступно лишь ему: для других существует только истощение, или жизнь на ренту, которая есть истощение». Именно это происходит и с нами сегодня, поскольку и «наше время... предельно нище духом, но не в евангельском смысле... богатство духа [есть] событие синтеза [Джуссани не анализировал события шестьдесят восьмого года, он уловил суть вызова и вынес суждение, которое все мы поняли, и нам для этого не потребовалось оканчивать спецкурс в Гарварде], и сознание истории – высший признак богатства духа.

Так какой же ресурс есть у нас, чтобы встречать события настоящего? Отец Джуссани утверждает: у нас есть надежда, и надежда эта в нас. Однако для нас порой это недостаточно конкретно как ресурс. Поэтому с нами должно произойти что-то, что поможет нам понять, какая надежда есть в нас, понять не потому, что мы о ней с упоением рассказываем друг другу, а потому, что другие ее видят в нас и говорят нам о ней.

В начале этого года я «открыл» для себя одного моего двоюродного деда, которому около шестидесяти лет. Открыл в том смысле, что я всегда видел его только на больших семейных встречах. В этом году он повторно женился и пригласил мою семью и семью моей тети на обед к себе домой. Ему, как и мне, нравятся хорошая еда и вино, и он принял нас по-королевски.

Я с огромным удовольствием ел, пил и всячески наслаждался происходящим. Я немного пообщался с ним – ничего особенного. Действительно, вернувшись, больше всего я рассказывал моим друзьям о всех тех вкусных блюдах, которые попробовал, и о винах, которые выпил. Вдруг, спустя несколько недель моя тетя говорит, что он остался под большим впечатлением, особенно от меня. По правде говоря, я не очень понял почему и подумал, что его воодушевила наша общая страсть, сколько я ем, сколько пью, но не более того. Однако я стал замечать некоторые знаки: он пришел ко мне на защиту диплома, писал мне и приглашал меня в гости, отправлял мне вкусную еду. Однажды я решил поехать к нему с моей девушкой, меня разбирало любопытство. По дороге в ресторан мы с ним разговорились, и он задал мне кучу вопросов, словно изучая меня, словно чего-то ища. Я это ясно понял, когда он спросил: «Сколько вы уже встречаетесь?» Я ответил: «Почти шесть лет». И он: «Вот, все ясно! Это она вправила тебе мозги, изменила тебя и позволила тебе стать таким зрелым!» Меня поразила эта его реакция. Потом, во время обеда и после мне представилась возможность как следует донести до него мою историю и прямо сказать, что жизнь мою изменила встреча со Христом. После этого он открылся передо мной, и меня это все больше изумляло, поскольку он человек в возрасте и мы едва знакомы. Про себя я думал: что происходит? Так он рассказал о себе, рассказал о миллионе вещей, особенно о трудностях, которые переживает. Он много говорил о других, о чем-то помимо него, и никогда о себе напрямую. Поэтому, когда он закончил говорить, я спросил его: «А как ты сам?» И он: «Ну, мой сын...» Я: «Нет, нет, ты-то сам как?» И он: «Знаешь, вот тот человек и вот этот...» – «Нет, нет, как ты?» На третий раз он прослезился, расстрогался и сказал: «Если честно, мне грустно, хотя кажется, будто у меня все есть: деньги, новая жена, у меня ни в чем нет недостатка, и все-таки мне грустно». Я был застигнут врасплох и не знал, как ответить, но хотел понять, что происходит, и поэтому спросил: «Почему ты говоришь все это мне, простому двадцатитрехлетнему парню, который тебя не знает?» Он сказал: «Потому что, когда мы впервые встретились на обеде, не знаю по какой причине, я увидел в тебе надежду. Проблема в том, что такую надежду я не вижу для себя!» Это то, что случилось. Как часто и я, глядя на радостные и полные надежды лица моих друзей, останавливаюсь и говорю себе: «Счастливые, для меня же подобное невозможно, я сейчас не могу быть таким». Но однажды я пришел на школу общины в Политехе после унылого дня, и мой друг рассказал, насколько его переполняла благодарность, насколько он наслаждался каждым моментом. И все это было правдой не потому, что он так утверждал, а потому что его лицо свидетельствовало об этом, оно свидетельствовало об этом мне. Речь о том, чтобы смотреть и видеть, что Господь делает с моим другом, поскольку это заражает и меня. Надежда дана ему, дана другому, чтобы она могла стать и моей. Не «ему дана, а мне нет», – в таком случае я только жалею. Она уже есть! Вопрос в том, чтобы всегда следовать за Его методом или за моим, и проверять их.

Человек, почти тебя не знающий, замечает это, хотя толком и не понимает, что ты в себе несешь: «Я увидел в тебе надежду. Проблема в том, что такую надежду я больше не вижу для себя!» Так он возвращает тебе сознание о том, что с тобой произошло, ведь часто и ты, подобно твоему двоюродному деду, думаешь: для меня некоторые вещи невозможны! И что ты в результате понял? Что, чтобы заметить находящееся прямо перед глазами, необходимо

смотреть, видеть, что творит Господь. Только это заражает, только это и ты, и он ощущаете как ответ на потребности вашей жизни. Каким образом твой двоюродный дед открыл для себя надежду? Благодаря надежде, которую несешь в себе ты и которая охватила и его. Так у него возникло желание понять.

Мы с друзьями хотели бы понять, что имеет в виду отец Джуссани под выражением «присутствие, несущее в себе предложение, полное смысла». В ходе общей работы то и дело всплывала такая мысль, вытекающая из опыта: что угодно может быть присутствием, которое пробуждает «я» и провоцирует его. Тогда о чем говорит Джуссани, утверждая, что «не любое присутствие, несущее в себе предложение, исполнено смысла»? Кто-то из нас подчеркнул, что в тексте говорится о свидетеле, о возвещении, о встрече. Могло бы показаться, что тот, кого коснулось присутствие, несущее в себе предложение, полное смысла, впоследствии способен воспринимать любое обстоятельство как присутствие, бросающее вызов. Помогите нам разобраться.

Как мы можем понять, что значит «возвещение есть присутствие, несущее в себе предложение, полное смысла»? Прежде всего нужно смотреть, смотреть, где происходит нечто подобное, а иначе мы увязаем в наших рассуждениях. Мы это видели в предыдущем выступлении. Наш друг, следовал, как он говорит, за методом Бога, не отступал от него, не отходил от того, что нашел вне самого себя, и это что-то пронизало его настолько, что вовлекло всю его личность. Он не поехал к своему двоюродному деду, чтобы разглагольствовать о надежде, которая была в нем. Надежда эта настолько пронизывала его, что задействовала всю его личность, и это неизбежно становилось ясно и его деду, хотя напрямую они и не говорили о надежде. Предложение полно смысла, утверждает отец Джуссани, и в справедливости его слов мы убеждаемся, когда оно заражает нас, оно полно смысла, если вовлекает в этот смысл человека, который его несет. Как раз об этом рассказывает мне одна женщина, которая не смогла приехать. «Я была на похоронах моего пациента, к которому была очень привязана. В конце мессы его дочь вручила мне письмо следующего содержания: „Дорогая доктор, в эти годы, пока болел мой папа, я часто думала о вас, о том, как вам удастся в каждое мгновение посредством ваших слов и упорства переступить за пределы болезни. Благодарю вас, что вы помогли обосновать надежду, которая есть в каждом из нас, и продолжать день за днем любить моего папу и сопровождать его“. [Другие распознают надежду, которую мы несем!] Благодать состоит в возможности встречи с людьми, видящими то „Большее“, что мы несем в себе, и это становится для меня призывом ставить Его во главу каждого моего дня и каждого моего дела. [Когда другой человек вновь дарует нам то, что мы в себе несем, это и для нас становится призывом смотреть на реальность, помня о Большем]. Другая вещь, которая поразила меня в связи с этим фактом, касается того, о чем ты говорил в конце Дня начала года: „Станем... испрашивать благодать осознания ответственности, возложенной на нас, естественно не по нашим заслугам, а в силу того, что мы получили, метода, посредством которого христианское возвещение во всей своей значимости может войти в жизнь каждого из нас до такой степени, что вовлечет всю нашу личность“. Это действительно огромная ответственность, и я ее остро ощущаю на работе, где мне приходится сталкиваться с человечностью, которую болезнь

и страдания свели к самому главному. Там я и сама ощущаю призыв признавать самое главное!» Именно это поразило многих: новизна христианства. Многих поразило, как настойчиво Джуссани повторял, что христианство есть радикальная новизна. Другой человек, который не смог приехать, пишет: «На нашей школе общины возник вопрос. Нас очень поразили слова о возвещении как о радикальной новизне, как о том „чего не могло быть, и что есть“. Как может возвещение оставаться столь же непредвиденным с течением времени, в повседневной жизни?» Как вновь понять, какую радикальную новизну несет в себе христианство? Что означают для нас, как когда-то и для отца Джуссани, вызовы реальности? Какой опыт радикальной новизны христианства мы переживаем? Это касается, как видите, не людей со стороны, а нас. Разве не так?

Именно так. В самом деле, то, что говорит отец Джуссани касательно традиции и слов, которые уже не способны подвигнуть человека на присоединение к христианству, может стать описанием и моих отношений с Движением. Мне недостаточно истории, истории, начавшейся сорок лет назад и определившей все в моей жизни (работу, брак, детей), мне недостаточно, что здесь я могу услышать слова и речи, гораздо более умные и истинные, чем где-либо. Всего этого мало, чтобы двигать мной. И говоря так, я имею в виду в том числе и простые вещи: например, поход на школу общину после ужина или участие в инициативах, предлагаемых Движением. Я обсуждала это с одной подругой и пришла чуть ли не к следующему заключению: во многих инициативах Движения недостает предложения, полного смысла, недостает новизны, недостает присутствия, полного смысла и вовлекающего в этот смысл человека, который его несет. День начала года таким не был, он был настоящим возвещением. Я без проблем участвовала бы и в других мероприятиях, будь они все такими. Прошу тебя помочь мне с этим: я признаю, что христианство есть присутствие, полное смысла и вовлекающее в этот смысл человека, который его несет. Я признала это, например, на Дне начала года в отце Джуссани, я признаю это в тебе. А в самой себе? В этом ли заключается «радикальное изменение нашего сознания», о котором в конце выступления говорит отец Джуссани? Поэтому ты в заключение спросил: «Как событие становится для каждого из нас опытом, как оно доходит до самого нутра нашего „я“?»

Видите, это огромный вызов, потому что он не других касается, а нас. Для нас тоже Движение, переживаемое только как традиция, как история, как слова, как предложения, оказывается недостаточным. Если не происходит то, что нас меняет, двигает вперед, мы и сами ощущаем ту же потребность, которую видим и в других. Поэтому отец Джуссани говорит, что если событие вновь не происходит в нас, то сложно сказать, сколько времени мы продержимся в Церкви или в Движении. Мы можем оставаться там формально, но не знаю, как долго они будут вызывать в нас интерес, если нас ничто не «заражает». Отец Джуссани предлагает нам сделать шаг вперед, проясняя разницу между инфантильной и взрослой аудиторией: «В зрелой личности, во взрослом человеке драматичное событие жизни... целиком и полностью разворачивается внутри него». Мы должны принять драму, перед которой находимся. Как отцу Джуссани пришлось принять драму шестьдесят восьмого года, так часто и тебе приходится принимать вызов. То, что предлагает Движение, тоже представляет собой вызов для тебя: «Есть ли у меня

веские причины, чтобы принять это предложение?» Потому что, если человек не понимает всего содержания предложения, нечего и думать, будто можно обойтись его поверхностным переживанием. Любое предложение должно побуждать нас идти до сути проблемы: «Почему я должен быть здесь сегодня вечером? Почему я должен участвовать в продовольственном сборе? Зачем идти на каритативу?» Поверхностного ответа недостаточно. Мы не сможем оставаться в Движении по-взрослому, если не будем проделывать этот путь, если не будем упорными в пути. Как говорит отец Джуссани, «традиция и теория, традиция и речи уже не в состоянии сдвинуть нынешнего человека», и мы видим, что это верно и для нас, не только для других.

Он добавляет еще одну мысль, которую, на мой взгляд, очень важно понять. Почему традиции и речей более недостаточно? Потому что «для человека взрослого и зрелого такой проблемы вообще нет, ведь, чтобы стать взрослыми в вере, необходимо преодолеть ее, нужно преодолеть чарующий призыв исторических причин и восхитительный призыв эстетики, проистекающей из теоретического совершенства». Что это значит? Мы считаем себя взрослыми, зрелыми людьми, когда в нашем распоряжении много слов, теории, когда нам есть к чему призывать. Но взрослый человек понимает, как ты поняла, что всего этого мало. Взрослый человек должен пойти дальше и понять, в чем он действительно нуждается. Почему? Потому что, как ты сказала, знак твоей зрелости – в понимании, что этого тебе уже недостаточно. Но это не трагедия! Взрослый человек понимает, что все это ведет его к настоящему вопросу: в чем я нуждаюсь, как я могу, благодаря этому более острому сознанию, действительно понять, чего мне не хватает, в чем я нуждаюсь?

Я переживаю трудный момент, как уже случалось со мной раньше. Часто я действую, как сирота, и утрачиваю открытость. Меня ранит замкнутость моего взгляда на самого себя и на отношения, в которых мне все уже известно. Расскажу об одном факте, пробудившем меня и связанном с тем, что Джуссани говорит о надежде в нас и о ни к чему не сводимой новизне, принесенной Христом. Недавно в выходные я был на прекрасной прогулке в горах. Для меня поход в горы – тот момент, когда я могу быть свободным, довольным, особенный момент. Однако, идя вместе с остальными и слушая их разговоры о том, как добраться до вершины, как мы сходили в прошлый раз (разговоры довольно скучные), я ощутил невероятный внутренний скрежет, так что мне даже пришлось оторваться от группы, поскольку перед лицом всей той красоты мое сердце желало большего. Восторга по поводу того, что мы собирались предпринять, было слишком мало. Когда мы поднялись на вершину, мое сердце было довольно, но не счастливо. Я был доволен, но у меня возник вопрос: может само по себе достижение цели, пусть даже грандиозной, придать вкус вещам? Я пришел к выводу, что подлинный вкус возникает от сознания об истоке вещей, от знания Того, Кто эти вещи тебе дает. Поэтому могу сказать: уже то, что мое сердце в те два дня кричало, указывало на мое желание Христа, желание, чтобы Его событие вновь произошло. Благодаря моему дискомфорту я отдал себе отчет в том, какова природа моего сердца, которое даже наилучшие вещи не могут наполнить. Тогда я смог понять, что мне не хватало Его. И я спрашиваю себя: «Какое же у меня сердце, что даже самые прекрасные вещи не в силах наполнить его?»

Вот что такое зрелость: «Какое же у меня сердце, что даже самые прекрасные вещи не в силах наполнить его?» Что пробуждается в человеке, когда у него появляется такое сознание? Он отдает себе отчет в том, что его сердце желает большего. Действительно, восторга по поводу того, что вы собирались предпринять, было слишком мало, и ты понял: «Подлинный вкус возникает от сознания об истоке вещей, от знания Того, Кто эти вещи тебе дает». Друзья, если мы во всех наших делах, во всех наших встречах не доходим до Того единственного, Кто может сделать интересным меня самого и то, чем я занимаюсь, Того, Кто может в полной мере ответить на нужду моего сердца, то со временем всего нам будет слишком мало. Об этом Иисус в простоте Своей говорит в Евангелии. Напомню о двух эпизодах, к которым мы неоднократно обращались. «Семьдесят учеников возвратились с радостью и говорили: Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем. Он же сказал им: Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию; се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам; однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк. 10, 17–20). Если мы этого не понимаем, если все, чем мы живем, не помогает нам понять суть происходящего в этом эпизоде (ученики возвращаются с радостью, а Иисус, будучи настоящим другом, говорит им о том единственном, что действительно соответствует их нужде), если во всех наших переживаниях мы до этого не доходим, тогда все, чем мы живем, неизбежно ведет нас к скептицизму, поскольку ничего нам недостаточно. К счастью есть кто-то, кто говорит нам: не довольствуйтесь этим, не довольствуйтесь тем, что делаете, так как этого мало. Простому человеку вроде десятого прокаженного это понятно: с ним случилось то, чего он желал (исцеление от проказы), но какая пронизательность, какая простота требуются, чтобы осознать, что исцеления недостаточно! Многие люди не больны проказой и при этом печальны. У них может быть все, но они печальны. Только десятый прокаженный уловил то, что было интереснее исцеления от проказы: возвращение к Нему, желание Его. И поэтому одного исцеления ему было недостаточно.

Если мы не проделываем такую работу, чтобы глубже проникнуть в происходящее с нами и понять, что в действительности соответствует нашей нужде в полноте, что в действительности отвечает на нашу печаль, на печаль других людей, что в действительности придает, как было сказано, вкус вещам, то и мы в конце концов начнем спрашивать себя, достаточно ли всего того, что мы делаем, чтобы нам и дальше было интересно участвовать в том, что предлагает нам Движение. Мы вновь и вновь предлагаем определенные вещи не потому, что они автоматически нам что-то дают, а для того, чтобы в них открывалась надежда, которую мы несем в себе, как открылась она двоюродному деду нашего друга.

Как же проверить, что надежда в нас? Когда это так, мы обнаруживаем, что свободны в любых жизненных обстоятельствах, свободны от любых наших проектов, от попыток искать опору где-то за рамками произошедшего с нами. В этом, по-моему, заключается грандиозный вызов, стоящий перед нами.

Параллельно с текстом школы общины я читал книгу Джуссани «Люди без родины», где он возвращается к этому вопросу. Дело было в 1982 году, и во все эти годы, начиная с шестидесяти восьмого, люди слышали, как он говорил об этом, но его слова не стали, кажется, их словами. Он утверждает: «В семьдесят третьем, в семьдесят пятом, в семьдесят шестом, в семьдесят

седьмом» и так далее мы полагали нашу надежду на то, что сами делали. Далее он цитирует одно выступление, в котором говорится о «людях, отождествляющих собственную состоятельность... с тем, как они самовыражаются» (L. Giussani. *Uomini senza patria. 1982–1983*. Milano: Bur, 2008. P. 95, 97). Надежда не проникла в людей достаточно глубоко, чтобы определить их позицию перед лицом вызовов. И потому собственную состоятельность начали искать в разных способах самовыражения. Как нам стать настолько свободными, чтобы признать правоту слов отца Джуссани о том, что ответом на вызов шестьдесят восьмого года была надежда в нем и в нас («в тебе и во мне»), а не в том, чем мы занимаемся, не в проектах, которые нам удастся осуществить? «Чтобы отдаться этому Присутствию, мы вынуждены перестать полагаться на наши действия, на наши дела, на наше понимание, то есть на то, как мы приводим в действие ценности, то есть на нашу идеологию, пусть даже отправной точкой и предлогом нам служит идеология христианская» (*Ibidem*. P. 95–96). Эта надежда будет достаточной для жизни, только если мы осознаем, как осознал двоюродный дед нашего друга, что все, чем мы обладаем или чем занимаемся, не отвечает на печаль, как не отвечает, говорил в свое время отец Джуссани, на «экзистенциальную неуверенность», на страх, заставляющий нас искать собственную состоятельность в том, как мы самовыражаемся (*Ibidem*. P. 96). Вот почему Джуссани говорил: «Плакат [1982 года] обозначил драматический разрыв с более чем десятилетним путем, в котором студенты из Движения использовали... христианские ценности, не зная Христа, не признавая по-настоящему Христа» (*Ibidem*. P. 98), и поэтому им не удалось победить экзистенциальную неуверенность. А если она не побеждается в опыте, мы ищем точку опоры где-то еще. У нас будет возможность проверить, уловили ли мы важность того, что сделал отец Джуссани в шестьдесят восьмом году, входит ли содержание Дня начала года в нашу жизнь, воспринимаем ли мы его как предложение, соответствующее нашим потребностям в настоящий момент замешательства, в условиях неуверенности, беспорядка, в нынешней политической, социальной, культурной ситуации. В противном случае мы станем искать точку опоры где-то еще.

Мы начинаем этот год с критерием в руках: в какой мере надежда действительно в нас, в том, что с нами произошло, удивляемся ли мы, когда вдруг замечаем, что она затмевает собой любые другие точки опоры? Или же мы ищем надежду в наших рассуждениях, в том, что нам представляется более соответствующим? День начала года свидетельствует о том, в чем перед вызовом шестьдесят восьмого года была надежда отца Джуссани. Каждый должен спросить себя: а на что возлагаем надежду мы, вынужденные встречать лицом к лицу перемену эпохи и царящее повсюду замешательство, печаль, пустоту, на что опираемся мы, отвечая на социальную и политическую ситуацию, в которой живем? Кажется ли нам содержание лекции Дня начала года относящимся к делу? Не ищем ли мы надежду там же, где и все остальные, – в сильных людях или в тех, кто обещает устранить бедность?

Нас ожидают две инициативы, которые помогут нам осознать сказанное: продовольственный сбор и рождественские палатки AVSI. Мы можем участвовать в них с сознанием, появившимся у нас в ходе работы над лекцией Дня начала года, или воспринимать их как что-то в конечном счете параллельное жизни и ничего не разрешающее, поскольку решение проблем – в чем-то другом. Без сознания, возникшего благодаря Дню начала года, мы можем переживать эти ожидающие нас инициативы как удобный момент для прикрытия нашей «экзистенциальной

неуверенности», воспринимая дела наших рук как точку опоры. Вот почему впоследствии интересно будет посмотреть, на что опиралась наша надежда, когда мы участвовали в продовольственном сборе и палатках AVSI, в том как мы реагировали на обстоятельства. Для нас это возможность проверки. Если все, что мы делаем, не укрепляет в нас сознание о надежде, находящейся, по утверждению отца Джуссани, в нас и способной устоять перед лицом обстоятельств и любых вызовов, от личных до общественных и политических, то День начала года превратится в красивое размышление, о котором можно перекинуться парой слов, но мы не будем рассматривать ее как ответ на вызовы жизни, а ответы на вызовы станем искать в другом месте, полагаясь на другие точки опоры. Это уже случалось (как говорит отец Джуссани, «в семьдесят третьем, пятом, седьмом»). Может, не стоит самонадеянно думать, что мы все поняли? Нас ожидает интересная проверка!

К счастью, работа на школе общины продолжится по главе из книги «Зачем Церковь», которая называется «Место проверки – человеческий опыт». В ней речь идет как раз о том, что нам было предложено на Дне начала года. Об этой лекции стоит и дальше помнить, чтобы проверять ее содержание перед вызовами жизни и на опыте убеждаться, насколько она связана или не связана с ними. Воспринимать ее таким образом не легко, не автоматически мы признаем ее соответствие природе вызова. Действительно, кто из нас мог бы подумать, что выступление отца Джуссани в тогдашнем хаосе напрямую касалось проблем шестьдесят восьмого года? Не показалось бы оно нам верхом сосредоточенности на самих себе, оторванности от истории? Не искали ли мы где-то на стороне более «конкретных» решений? В начале работы над этой главой каждый из нас может проверить христианское предложение, с которым мы встретились, увидеть, отвечает оно или нет на потребности жизни. Каков критерий, позволяющий убедиться в достоверности того, что Церковь повторяет вслед за Иисусом? Соответствие потребностям жизни, вызовам жизни, провокациям со стороны реальности. У нас будет замечательная возможность проделать этот этап пути не на уровне отвлеченных размышлений о тексте, а на уровне жизненных ситуаций, встающих перед нами.

Следующая школа общины состоится 21 ноября. Мы продолжаем работать над книгой «Зачем Церковь» (Ч. IV. Гл. 1. «Место проверки – человеческий опыт»). Как я уже сказал, читая текст, мы можем проверять то, что услышали на Дне начала года. В самом деле, вся глава посвящена как раз теме проверки, поскольку без проверки нет и пути. Все усилия отца Джуссани были направлены на то, чтобы наше «я» взросло, вот почему он призывал нас к упорству в пути, к работе. Давайте и в наших малых группах помогать друг другу в этой работе над текстом.

Всемирный день бедных

В воскресенье, 18 ноября, пройдет Всемирный день бедных. Движение предлагает всем поддержать инициативу папы Франциска, участвуя в следующих двух мероприятиях:

- национальный день продовольственного сбора, 24 ноября;
- «Рождественские палатки AVSI». В этом году кампания проходит под названием: «Под одним небом. Солидарность, преодолевающая границы». Среди основных проектов –

помощь бесплатным больницам для бедных в Сирии, принятие беженцев из Венесуэлы в Бразилии, создание рабочих мест в Бурунди и Кении, поддержка деятельности сестер Милосердия Успения, работающих с детьми и малоимущими семьями.

Эти мероприятия открывают возможность сотрудничества, ведущего (прежде всего тех, кто в них участвует) к порождению личности, к возникновению «я», которое, так отвечает на нужды, что помогает возрастать и другим «я».

Никто не ответил бы на вызов шестьдесят восьмого года так, как это сделал отец Джуссани. Нам его ответ показался бы слишком «сосредоточенным на нас самих». Он же, как выяснилось, был наиболее адекватным. То же верно и для нас сегодня: либо все наши дела служат сообщению другим радикальной новизны (и тогда это касается и двух инициатив, которые нас ожидают), либо мы занимаемся «христианскостью», а не христианством. «Христианство [же] – это нечто совсем иное», как мы слышали от отца Джуссани. И потому хорошей всем работы!

Veni Sancte Spiritus